

V Международная богословская конференция
Русской Православной Церкви

«ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВАХ»

Москва, 13–16 ноября 2007

Проф. прот. Леонид Грилихес
МДА

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРООБРАЗЫ ЕВХАРИСТИИ

Слова Спасителя, которые он произносит в капернаумской синагоге: Я есмь хлеб жизни (Ин 6:48); Я — хлеб живой, сошедший с небес (Ин 6.51) — вызывают возмущение и споры среди иудеев. Они выглядят настолько странными, что по свидетельству евангелиста Иоанна «многие из учеников Его отошли от Него» (Ин 6. 66). Как видно из евангельского повествования возражение иудеев вызывает именно то, что Господь «хлебом жизни» называет Свою Собственную Плоть (особенно возмущает иудеев призыв есть Плоть и пить Кровь Иисуса), тогда как сами понятия: «хлеб с небес» (Ин 6. 33), «хлеб жизни» (Ин 6. 48), «хлеб живой» (Ин 6. 51) похоже не вызывают никакого протеста или недоумений. Забегая вперед, можно сказать, что евангельское выражение «хлеб жизни», равно как и другое выражение из первого послания апостола Павла к Коринфянам «чаша благословения» (10. 6) были известны и имели хождение в иудаизме времени Второго храма. Они зафиксированы, в частности, в еврейском греко-язычном апокрифе «Иосиф и Асенеф», где несут очень важную смысловую нагрузку.

Конечно представление о Евхаристии, как она была установлена Господом Иисусом Христом на Тайной вечери, представление о Евхаристии, как новом величайшем даре Божественной благодати отсутствует, и просто невозможно для Ветхого Завета. Однако тема пищи — тема питания, вкушения пищи, тема совместных и культовых трапез — занимает заметное, если не сказать одно из центральных мест в ветхозаветной религиозной практике. Роль вкушения, каковой она предстает в библейской и межзаветной литературе, выходит далеко за рамки обычного физиологического насыщения и имеет целый ряд аспектов: социальных, ритуальных, культовых и т.п. С другой стороны, через пищу (т.е. насыщение или, напротив, голод) определяется отношение Бога к человеку, Его благосклонность или наказание. Все это делает пищу одним из доминирующих символов Священного Писания.

Рассмотрим кратко некоторые аспекты ветхозаветного представления о пище, которые могут иметь значение в перспективе новозаветной Евхаристии.

I Библейские данные

Пища и творение

Первое на что мы должны обратить наше внимание — это то, что указания относительно пищи обнаруживаются уже в самом начале книги Бытия и помещены в шестоднев, т.е. составляют неотъемлемую часть повествования о творении. Сразу по сотворении живых существ и человека Бог дает распоряжение относительно пищи.

И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; — вам сие будет в пищу...

Бог не только творит, вычленяет (именно такова этимология глагола ברא — *отделять, вычленять*) мир из небытия и приводит его в бытие, но и питает его, т.е. не оставляет мир Своим благим

промыслом (любопытно, что каузативная форма от того же корня ארב имеет значение *питать, кормить, утучнять*).

Образ Бога заботящегося о пропитании Своих творений постоянно обнаруживается на страницах Библии.

*Очи всех на Тебя уповают
И Ты даешь им пищу их в свое время
Открываешь Ты руку Твою
И насыщаешь все живущее по благоволению.*
(Пс 145. 15–16)

В наиболее общем виде этот аспект творения представлен в описании творения из книги Иисуса сына Сирахова:

*Навек устроил Он дела Свои,
И начала их — в роды их.
Они не алчут, не утомляются,
И не прекращают своих действий.*
(Сир 16. 27)

Благодарность за особую непрестанную заботу о Своем народе, за Провидение Божие предписывалось совершать во время специального приношения и вкушения начатков, т.е. первых плодов:

И поставь это (начатки плодов — Л.Г.) пред Господом, Богом твоим, и поклонись пред Господом, Богом твоим. И веселись о всех благах, которые Господь, Бог твой дал тебе... (Втор 26. 10–11)

Пища и Завет

Другой очень важный момент: в центре творения стоит Завет — союз Бога и человека. Бог — Творец, и Он же «Бог верный, Который хранит завет» (Втор 7. 9) (слово ברית *завет, союз* производное от того же корня ארב). Всякий раз, когда заключается или обновляется Завет, обновляется все творение. Какие события, сопровождавшие Синайский завет, наиболее глубоко врезались в память древних евреев? Первое — то что Бог *разделил* воды Чермного моря, *отделив* сыновей Израиля от египтян, и, второе — то что Бог *питал* народ Свой в пустыне. В Новом Завете все эти библейские образы находят свое предельное и окончательное исполнение: во Христе человек именуется *новой тварью* (2Кор 5.17; Гал 6. 15) — это новое творенье, которое Господь *изымает* из власти смерти и *питает* Своей Собственной Плотью и Кровью.

Совместное вкушение пищи — неотъемлемая часть любого ветхозаветного договора или союза. Например, повествование о заключении союза между Иаковом и Лаваном оканчивается описанием общей трапезы.

И заколот Иаков жертву на горе и позвал родственников своих есть хлеб; и они ели хлеб и пили и ночевали на горе. (Быт 31. 54)

По примирении с Авимелехом Исаак сделал пиршество «и они ели и пили» (Быт 26. 30).

Подобным образом и завет между Богом и человеком скрепляется трапезой совершаемой в присутствии Бога. По оглашении Синайского Завета

«взошел Моисей и Аарон, Надав и Авиуд, и семьдесят из старейшин Израилевых... и видели (место) Бога и ели и пили» (Исх 24. 9–11).

Тоже касается и возобновления завета, как оно описано, например, в книге Неемии:

«и пошел весь народ есть, и пить, и ... праздновать с великим веселием»
(Неем 8.9).

Пища и воспоминание

Хотя по замечанию Йеремиаса в иудаизме всякое «застольное общение означало общение перед Богом» (J. Jeremias, *New Testament Theology*, New York 1971, ст. 115), особую роль в культовой практике древнего Израиля имели обрядовые трапезы, на которых вспоминались значимые события священной истории, связанные с заступлением и вмешательством Бога в прошлом. Наиболее ярким примером является, конечно, празднование Пасхи (Втор 16. 1–8), во время которой Израиллю предписывается вкушение агнца с пресным хлебом «дабы ты помнил день исшествия своего из земли Египетской во все дни жизни твоей» (Втор 16. 3). О таких трапезах в Библии говорится, что они совершаются «перед лицом Господа», или «в присутствии Господа», а народ призывался «веселиться пред Господом» (Втор 14.26 и др.). Подобным образом, устанавливая таинство Евхаристии, Господь заповедует своим ученикам: «сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22. 19), а первые христиане по замечанию евангелиста Луки «преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога» (Деян 2. 46–47).

Пища и благодарение

В современной науке одну из альтернатив пасхальной трапезе в качестве прообраза христианской Евхаристии усматривают в *חֲבֵט חֶמֶד* (жертве благодарения) — это культовое благодарение одного лица или группы лиц за божественную помощь или спасение, которое наряду с жертвоприношением (пресный хлеб, лепешки, пшеничная мука с елеем, но также и квасной хлеб (Лев 7.12–15)), включало гимн, повествующий о том, что сотворил Бог, и совместную трапезу.

Пища и очищение

Непосредственное отношение к нашей теме имеют также и культовые трапезы, сопровождающие жертвоприношения, и являющиеся неотъемлемой частью обряда очищения:

И разгневался (Моисей) на Елеазара и Ифамара, оставшихся сынов Аароновых, и сказал: почему вы не ели жертвы за грех на святом месте? ибо она святыня великая, и она дана вам, чтобы снимать грехи с общества и очищать их перед Господом. (Лев 10. 16–17)

То же мы видим и в описании особого хлебного приношения:

Это великая святыня, подобно как жертва за грех или жертва повинности. Все потомки Аароновы мужского пола могут есть ее. Это вечный участок в роды ваши из жертв Господних. Все, прикасающееся к ним, освятится. (Лев 6. 14–18).

Эсхатологический пир и победа над смертью

Наконец, говоря о ветхозаветных прообразованиях Евхаристии необходимо остановиться на пророческом видении Исаии, где грядущее торжество боговедения, открытого всем народам, и победы над смертью разворачивается в картину эсхатологического пира:

И сделает Господь Саваоф на горе сей для всех народов трапезу из тучных яств, трапезу из чистых вин, из тука костей, и самых чистых вин; и уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах. Поглочена будет смерть на веки. (Ис 25.6–8)

Пророческое видение грядущего пира, на котором устраняется смерть, находит свое воплощение в призыве Спасителя: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день* (Ин 6.54).

Внебиблейские данные

Переходя к рассмотрению внебиблейских данных, я хотел бы отметить, что в задачу моего доклада не входил подробный разбор генезиса и типологических сближений Тайной Вечери с практиками совместных трапез, распространенных в иудаизме Второго храма. Отметим лишь, что

помимо Пасхальной трапезы и жертвы благодарения, известных из Библии, Тайную Вечерю связывали с трапезами типа *שֵׁדֶשׁ* (киддуш), *חַבּוּרָה* (хавура), а также с совместными трапезами ессеев.

Представление о том, что Тайная Вечеря являлась субботним киддушем, на том основании, что киддуш предполагает благословение вина с последующим преломлением хлеба, в настоящее время решительно отвергнуто: считается что, совмещение субботнего благословения вина и преломления хлеба появилось в конце таннаитского или даже в начале амараитского периода в Вавилоне. Эта гипотеза тем более не приемлема, что киддуш совершался в пятницу вечером, но никак не в четверг.

Еще менее обоснованной выглядит связь Тайной Вечери с трапезами по типу хавура, поскольку это были не просто дружеские пиры, но трапезы связанные с определенными обрядами — венчанием, обрезанием, погребением.

Также мало вероятно, чтобы обычаи ессеев оказали непосредственное влияние на Тайную Вечерю или на раннехристианскую Евхаристию. На лицо значительные отличия: у ессеев совместная трапеза была частью монастырской жизни (тогда как у христиан в евхаристической трапезе принимали участие и женщины), к ней допускались лишь те, кто прошел 2-х годичный искуc, практиковалось удаление от застольного общения пораженных недугом или увечьем. Несмотря на это, три аспекта есеевской трапезы представляются заслуживающими внимание в связи с нашей темой.

Во-первых, ессеи (равно как и фарисеи) считали, что характер и чистота повседневной еды является выражением и проверкой их преданности Закону, как он понимался в их общине. Правило чистоты, руководящее их застольным товариществом, служило своего рода границей определяющей причастность к общине — хранительнице Завета, которая «сообща предалась Его истине и следованию Его воле» (1QS 5. 9–10).

Во-вторых, очень вероятно, что ессеи придавали своим трапезам характер священнодействия. Иосиф Флавий сообщает, что после ритуального омовения ессеи «чистые переходили в трапезную, как в некое сакральное место» (BI 2.8.5 §129). Вкушение пищи предваряется протиранием рук и благословением, которое произносит священник над хлебом и молодым вином (1QS 6.4–5). Филон в описании родственной группы — терапевтов, называет их трапезу «священным собранием» (*Vita Cont* 71). Поскольку целый ряд фрагментов из 1QS говорит о жизни общины как о замене храмового культа (5. 6; 8. 3; 9. 4), а участие в храмовой жертве (насколько позволяют нам судить дошедшие до нас источники), либо полностью отрицалось, либо существенно ограничивалось (ср. напр.: «никто из тех, кто заключил завет, не войдет в святилище, чтобы напрасно освящать жертвенник» (CD 6.11–13)), можно предположить, что ессеи приравнивали свои трапезы к жертвенным трапезам. Косвенным подтверждение этому могут служить обнаруженные в Кумране тщательно захороненные кости животных.

Если это соображение соответствует действительности, то возникает возможность провести параллель между практикой ессеев и свидетельством из Деяний, где сообщается, что первые христиане, принимая участие в храмовой службе, собирались отдельно по домам для преломления хлеба (2.46), в чем большинство исследователей видят совершение Евхаристии.

И в-третьих, как видно из 1Q Sa (Дополнение к уставу общины), где излагается устав общины в «последние дни», совместные трапезы ессеев являлись также эсхатологическим символом: общая трапеза в присутствии Мессии («Помазанника Израиля»), в последние дни будет совершаться своим обычным порядком (ср. 1Q Sa 2. 17–21 и 1QS 6. 4–5), и поэтому любая совместная трапеза ессеев оказывается предвкушением будущего эсхатологического пира. Эсхатологическая направленность христианской Евхаристии прослеживается уже в словах Спасителя произнесенных на Тайной Вечери: *Истинно говорю вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего* (Мф 26. 29).

Из ветхозаветных апокрифов в связи с Евхаристией особое внимание исследователей привлекает сохранившийся на разных языках и в несколько разнящихся версиях памятник, озаглавленный «Иосиф и Асенеф». Повествование этого апокрифа основано на истории из книги Быт 41:45, где сообщается, что фараон дал Иосифу в жены Асенефу, дочь Илиопольского жреца Потифера. Это краткое сообщение разворачивается в пространный сюжет со множеством фантастических деталей. Главная проблема — обращение Асенеф (уста которой «осквернены жертвенным мясом идолов и хвалением богов Египетских») в иудаизм, с целью брака с Иосифом (называющим себя поклонником Божиим, «который благословляет Бога, вкушает хлеб благословенный и животворящий, пьёт благословенную чашу бессмертия и помазывается помазанием нетленным»). Основное отличие между евреями и язычниками египтянами воплощается здесь в принятии пищи. При отсутствии какого-либо упоминания о Законе или заповедях, пища занимает место центрального символа религиозной идентификации. Она не только позволяет приобщиться к Богом избранному народу, но является неизменным условием духовного обновления: в своей молитве об Асенеф Иосиф произносит следующие слова:

«Господи, благослови эту деву, и обнови её Духом Твоим, и, воссоздав её невидимой Твоей рукой, сообщи ей новую жизнь. **И да вкушает она хлеб жизни, и да пьёт она от живой чаши:** приобщи её к народу Твоему, избранному тобою прежде мироздания, и да внидет она в покой Твой, уготованный Тобою Твоим возлюбленным, и да живёт она жизнью вечною!»

Кульминационный момент обращения Асенеф изображен, как совместная трапеза Асенеф с явившимся ей ангелом. Эта трапеза преобразует все ее существо, при этом ангел обращается к ней:

«Блаженна ты, Асенефа; ибо тайны Вышнего Бога открылись тебе! Блаженны и те, кои предстанут перед Господом с покаянием; они вкусят от этих медовых сот, придающих жизнь... Ибо вкусивший от этих сот не умрёт вовеки. И протянул тот муж руку, отломил частичку от сот и съел сам, и частичку положил ей в рот, говоря: Вот ты, Асенефа, съела хлеб жизни, и пила чашу бессмертия, и умастилась елеем непорочным. Отныне тело твоё распускаться будет подобно цветку, выросшему на земле Вышнего; кости твои утучнятся подобно кедром, растущим в раю сладости, ибо сила проникнет всю тебя, и молодость твоя не увидит старости, и красота не покинет тебя вовеки.»

Здесь мы выходим за границы реального, и вплотную подступаем к ветхозаветной мечте или даже фантазии, однако то, что является в таинстве Евхаристии, где под видом хлеба и вина верующим предлагаются в пищу Тело и Кровь Господа, намного превосходит даже самые смелые ветхозаветные чаянья. Но вместе с тем новозаветная Евхаристия объединяет в себе целый ряд аспектов, таких как: воспоминание, Завет, благодарение, жертвенное очищение, духовное обновление, устранение смерти, прообразование евхаристического пира — которые могли связываться с пищей уже в ветхозаветную эпоху.